

Лён цвёл чудесными голубенькими цветочками, мягкими и нежными, как крылья мотыльков, даже ещё нежнее!

Но вот раз явились люди, схватили Лён за макушку и вырвали с корнем.

«Snip, snap, snurre,

Basse lurre.

The song is ended»

(Моя песенка спета)

Больно было! Потом его положили в воду, словно собирались утопить, а после того держали над огнем, будто хотели изжарить. Ужас что такое!

– Не вечно же нам жить в свое удовольствие! — сказал Лён. – Приходится и потерпеть. Зато поумнеешь!

Но Лёну приходилось уж очень плохо. Чего-чего только с ним не делали: и мяли, и тискали, и трепали, и чесали — да просто всего и не упомнишь! Наконец, он очутился на прялке. Жжж! Тут уж поневоле все мысли вразброд пошли!

“Я ведь так долго был несказанно счастлив! — думал он во время этих мучений. – Что ж, надо быть благодарным и за то хорошее, что выпало нам на долю! Да, надо, надо!.. Ох!”

И он повторял то же самое, даже попав на ткацкий станок. Но вот наконец из него вышел большой кусок великолепного холста. Весь Лён до последнего стебелька пошел на этот кусок.

– Но ведь это же бесподобно! Вот уж не думал, не гадал-то! Как мне, однако, везет! А мне все твердили: “Оглянуться не успеешь, как уж песенке конец!” Много они смыслили, нечего сказать! Песенке вовсе не конец! Она только теперь и начинается. Вот счастье-то! Да, если мне и пришлось пострадать немножко, то, зато теперь из меня и вышло кое-что. Нет, я счастливее всех на свете! Какой я теперь крепкий, мягкий, белый и длинный! Это небось получше, чем просто расти или даже цвести в поле!

«Snip, snap, snurre,

Basse lure!»

А однажды Холст взяли в дом, и он попал под ножницы. Ну, и досталось же ему! Его и резали, и кроили, и кололи

иголками – да, да! Нельзя сказать, чтобы это было приятно! Зато из Холста вышло двенадцать пар ... таких принадлежностей туалета, которые не принято называть в обществе, но в которых все нуждаются. Целых двенадцать пар!

– Так вот когда только из меня вышло кое-что! Вот каково было мое назначение! Теперь и я приношу пользу миру, а в этом ведь вся и суть, в этом-то вся и радость жизни! Нас двенадцать пар, но все же мы одно целое, мы – дюжина! Вот так счастье!

Прошли года, и Белье изнасилось.

– Всему на свете бывает конец! – сказало оно. – Я бы и радо было послужить ещё, но невозможное – невозможно!

И вот Белье разорвали на тряпки. Они было уже думали, что им совсем пришёл конец, так их принялись рубить, мять, варить, тискать ... Ан, глядь – они превратились в тонкую белую Бумагу!

И на ней написали чудеснейшие рассказы.

– Ну, этого мне и во сне не снилось, когда я цвела в поле голубенькими цветочками! – говорила Бумага. – Всякий раз, как я подумаю: “Ну, вот и песенке конец”, – тут-то как раз и начинается для меня новая, ещё высшая, лучшая жизнь! Прежде у меня были голубенькие цветочки, теперь каждый цветочек расцвел прекраснейшею мыслью!

«Snip, snap, snurre,

Basse lure!»